

Три тела не были похоронены. Они были уложены бок о бок, лицом вниз. Судя по направлению, их головы обращены на запад, а ноги — на восток. Было уже почти невозможно разобрать первоначальный цвет одежды, которую они носили, но, судя по стилю, все еще можно было определить, что это были одежды монахов храма Хайцзин.

— Это Чу Цзян и остальные? — спросил Фан Юаньхан. На нем была маска, которая заглушала его голос. — Боже мой, они стали восковыми*. Такие трупы — самые страшные для меня!

(*Жировоск (сапонификация или омыление) также относится к поздним трупным изменениям. Необходимыми условиями образования жировоска являются высокая влажность и отсутствие кислорода, которые чаще всего встречаются при захоронениях во влажных глинистых почвах, при нахождении трупа в воде и при других сходных условиях).

— Судя по их одежде и степени разложения, скорее всего, это те трое. Но нам все равно придется подождать, пока учитель Син закончит свое обследование, чтобы подтвердить результаты. — Минг Шу посмотрел на три трупа. Его глаза стали глубже от раздумий.

Мягкие ткани самого левого трупа уже начали превращаться в грязно-серую субстанцию; тело начало разлагаться до костей. Тем временем бедра, живот и конечности двух других трупов уже начали приобретать восковой вид. Эти тела начали подвергаться процессу омыления. Жертва в середине, должно быть, умерла раньше; он был дальше в этом процессе.

Температура на горе была низкой, а в пещере было еще холоднее. Также было влажно. Когда тела оставляли в такой среде, вероятность образования трупного воска была высокой. Но почему два тела справа превратились в воск, а одно слева — нет?

Образование трупного воска зависело от ряда внешних факторов. Одним из факторов было то, подвергалось ли тело воздействию воздуха, а другим — температура и влажность окружающей среды. Обычно трупы с высоким процентом жира в организме имели тенденцию к образованию воска, если их бросали в грязь или влажную яму, но не всегда.

Минг Шу еще раз изучил самое левое тело.

— Брат Син, эти тела были доставлены сюда сразу после смерти или их перевезли сюда по прошествии некоторого времени?

— Я предполагаю, что их бросили сюда сразу после смерти. — Ответил Сяо Мань. — До того, как вы пришли, я уже осмотрелся. Здесь никто не был по крайней мере полгода. Почва относительно нетронутая. На ней сохранились следы одного человека, и только одного человека. Должно быть очевидно, что этот человек — наш убийца.

Син Му вмешался:

— Судя по состоянию тел, я также полагаю, что их положили сюда вскоре после смерти. Что касается того, почему одно тело разлагается до костей, а другие при тех же обстоятельствах омылились, я полагаю, что это связано с причинами и временем их смерти.

Минг Шу присел на корточки и сказал:

— Тот, что превратился в белые кости, тоньше двух других.

Син Му кивнул:

— Я пока не могу сказать точное время их убийства, но могу дать оценку общим временным рамкам. Жертва, которая разлагается до костей, была убита где-то между июлем и августом прошлого года.

— Лето. Чу Цзян ушел «бродить» летом, — сказал Минг Шу. — Но летом должно быть более влажно.

— Да, но летом на горе также больше комаров. Комары могут ускорить процесс разложения тела, — сказал Син Му. — Комары и другие насекомые оказывают большее влияние на то, как разлагается тело, чем климат и температура. Хотя окружающая среда в пещере другая. В ней вероятность возникновения жировоска довольно высокая, но эти жертвы не были захоронены под землей, поэтому для них естественно и нормально разлагаться. Кроме того, то, начнет ли разлагаться труп, может зависеть от процента жира в организме жертвы.

Минг Шу вспомнил фотографии Чу Цзяна, Чан Цинъина и Ван Лу, которые он видел. Чу Цзян действительно был очень худым, в то время как Чан Цинъин и Ван Лу были крупнее.

— Два восковых трупа имеют более позднее время смерти, — продолжил Син Му. — Между ноябрем и декабрем прошлого года для второго трупа и мартом этого года для третьего. В этот период времени гора самая холодная. Комары и другие насекомые в это время в основном бездействуют. Плюс, у этих жертв было больше жира на теле. Эти факторы сложились и привели к воскованию. Вы все ненавидите восковые трупы, но для нас, судмедэкспертов, восковые трупы гораздо «симпатичнее», чем скелеты.

Минг Шу встал.

— Потому что восковые трупы сохраняют больше улик, верно?

— Да, — сказал Син Му. — Посмотрите на грудь, живот, руки, бедра и шеи этих двух трупов. Есть следы, указывающие на то, что они были связаны веревками.

Фан Юаньхан поспешно сглотнул тошноту и бросился посмотреть.

Как только они выяснили, почему тела разложились по-разному, Минг Шу перестал беспокоить Син Му и вышел наружу, чтобы осмотреть окрестности.

Пещера была очень хорошо спрятана. Если бы они провели только беглый осмотр горы, они бы ее ни за что не нашли.

Убийца, вероятно, знал это. Поэтому, привезя сюда тела, он не похоронил своих жертв. Мало того, он даже не зачистил свои собственные следы.

Все тела были положены лицом вниз. Это должно было означать покаяние? Искушение?

Одна жертва предположительно умерла между июлем и августом прошлого года. Одна между ноябрем и декабрем прошлого года. И одна в марте этого года. Между каждой смертью был интервал примерно в четыре месяца, но между мартом и настоящим моментом прошло уже больше полугода.

Почему убийца не убил еще одну жертву?

Если убийцей был Моу Хайюань, действующий под именем Куй Чен, то чего он ждал?

Три трупа были доставлены обратно в Бюро уголовных расследований для вскрытия. Перед началом вскрытия Син Му нашел три листка глянцевой бумаги — по одному во внутреннем кармане одежды каждого трупа. На каждом листке бумаги было написано одно слово.

Три трупа были доставлены обратно в Бюро уголовных расследований для вскрытия. Перед вскрытием Син Му обнаружил в карманах трупов три листка глянцевой бумаги с надписями «похоть», «ложь» и «несыновняя почтительность», что соответствовало трупу № 1 (предположительно Чу Цзян), трупу № 2 (предположительно Чан Циньин) и трупу № 3 (предположительно Ван Лу).

Недобродетельным поступком Чу Цзяна было преследование вдовы, в конечном итоге приведшее к самоубийству этой вдовы. Недобродетельным поступком Чан Циньина было намеренное введение в заблуждение молодого коллеги по работе над важным проектом, заставив того коллегу выпрыгнуть из окна. И дефицит добродетели Ван Лу был самым очевидным — он был непочтительным к своим родителям.

Эти три пункта, помимо отсутствия сыновней почтительности у Ван Лу, были связаны с недобродетельными поступками самого Моу Хайюаня.

Минг Шу положил пластиковые пакеты с кусочками бумаги на стол, разложив их рядом.

— Моя теория оказалась верной. Моу Хайюань наказывает «собратьев-грешников», чтобы искупить свои собственные грехи. Монахи, которые сейчас проживают в храме Хайцзин, кроме

Лю Суя и Тан Юаня, — все это «жертвы», которые Моу Хайюань каким-то образом собрал. И он собрал их там, чтобы они могли умереть за него. Его следующей целью был либо Инь Сяофэн, либо Фан Пинсуй, оба из которых имели склонность к насилию.

— Следы, оставленные снаружи пещеры, были оставлены этими резиновыми сапогами, — сказал Сяо Мань, держа в руках большой пакет с уликами, в котором находилась пара черных резиновых сапог. Они выглядели очень старыми, с большим количеством грязи и пыли, прилипшей к поверхности. — Мы нашли их в кладовой в храме Хайцзин. Отпечатки пальцев, которые мы сняли с них, соответствуют отпечаткам пальцев, которые Моу Хайюань зарегистрировал в своем агентстве в прошлом.

Вскоре появились отчеты о вскрытии и результаты сравнения ДНК.

Чу Цзян, Чан Циньин и Ван Лу зарегистрировали свои персональные данные в полиции, прежде чем подняться на гору, чтобы стать монахами. После проведения сравнительных тестов было установлено, что три жертвы в пещере — это именно эти трое мужчин.

Син Му встал рядом с телом Ван Лу и положил руки по бокам головы Ван Лу, делая скручивающее движение.

— Все три жертвы умерли от сильного повреждения шейных позвонков. Судя по результатам вскрытия, а также по следам, оставленным на телах Ван Лу и Чан Циньин, убийца сломал им шеи голыми руками.

— Моу Хайюань десятилетиями занимался боевыми искусствами. У него определенно были способности. И если он видит себя «карателем» и «спасителем», то для него имело бы смысл желать страданий своим жертвам, — сказал Минг Шу. — Но риск, который несет с собой такое прямолинейное нападение, значителен. Брат Син, ты сказал на месте преступления, что на воцеленных трупах были следы связывания. Они были сделаны до или после смерти?

— Посмертно, — ответил Син Му. — Учитывая все травмы на жертвах, я бы предположил, что убийца надел на них веревки после того, как убил их, чтобы было легче транспортировать.

— Что-нибудь обнаружили на токсикологических анализах? — спросил Минг Шу.

Син Му покачал головой.

Минг Шу подошел к Син Му, поднял руки и схватил его за горло так же, как Син Му только что сделал с одной из жертв в качестве демонстрации.

Син Му мгновенно напрягся. Его пульс участился.

— Б-босс! Ч-ч-что вы делаете, здесь есть камеры наблюдения!

— Пока ты в сознании и не под действием наркотиков, — сказал Минг Шу, — будешь ли ты сопротивляться и давать отпор, если я встану перед тобой и схвачу тебя вот так?

Син Му подумал:

— Какой бессмысленный вопрос! Кто бы не сопротивлялся?! Н-но я не смогу победить тебя!

Он схватил Минг Шу за руки — движение, сделанное чисто инстинктивно.

— Независимо от того, сможешь ли ты победить меня или нет, ты все равно будешь бороться. Это инстинкт выживания человека. Ты будешь бороться, как ты это делаешь сейчас. И я еще не приложил никакой силы. Если я добавлю немного давления... — Минг Шу замолчал и усилил хватку.

Син Му подпрыгнул и чуть не пнул Минг Шу.

Минг Шу быстро отпустил его и рассмеялся:

— Ты напал на полицейского, учитель Син.

— Ты первый напал на меня! — возразил Син Му. Его лицо уже побледнело от обиды. — Ты тренированный. С твоими способностями ты мог бы легко оторвать мне голову!

— Правильно, я напал первым, — сказал Минг Шу. — В таком положении, лицом к лицу, жертва определенно будет бороться и отбиваться, пока будет в сознании. Но на их телах не было обнаружено никаких следов борьбы, и никаких признаков того, что их накачали наркотиками. Так их шеи были сломаны во сне?

Син Му все еще был напряжен от того обмена репликами. Он застыл на некоторое время, прежде чем внезапно выпалил:

— А! Нет, они не спали. Их убили в коленопреклоненном положении!

Минг Шу нахмурился:

— Как ты пришел к такому выводу?

— Разве я не говорил, что вощенные тела сохраняют больше улик? — Син Му взволнованно продолжил. — У Ван Лу и Чан Цинъин есть следы от давления на коленях. Босс, они не были связаны перед смертью. Это значит... они добровольно встали на колени перед своим убийцей и позволили убийце сломать им шеи?

Минг Шу закрыл глаза. Подсказки постепенно складывались в его сознании, сплетая воедино образ обстоятельств преступления.

Только звуки дыхания наполняли комнату. Син Му подождал некоторое время, затем прошептал:

— Босс?

Минг Шу повернулся к нему:

— Брат Син, если я попрошу тебя встать на колени и положить голову мне на руки, ты будешь готов?

Глаза Син Му расширились, и он яростно подумал: Только дурак тебе довериться! Так я уж точно не смогу победить тебя!

— Ты бы не захотел, — сказал Минг Шу. — Никто бы не захотел. Но если бы кто-то другой, например уважаемый монах, попросил тебя встать на колени, чтобы он мог смыть твои грехи, коснувшись твоей головы обеими руками, ты бы согласился?

— А? — Син Му все еще не догнал мысли Минг Шу. — Я не грешил!

— Я просто привожу пример, — сказал Минг Шу. — Это не обязательно «грех», но все люди обязательно имеют какие-то темные тайны, скрытые в их сердцах, которые не известны посторонним. Есть хорошие и плохие тайны, и плохие — это тень, которая будет следовать за вами всю жизнь. Ты хотел бы избавиться от этих теней?

Син Му кивнул, все еще сбитый с толку. Но через мгновение он сказал:

— Я все равно не встану на колени. Это не очень тяжелая тень, в любом случае.

— Для нас, обычных людей, которые не совершили никаких преступлений, которые не сделали ничего особенно недобродетельного, это правда, что нам не нужно было бы проходить «очищение» у монаха, — сказал Минг Шу. — Но что касается Чу Цзяна и этих других, они когда-то совершили тяжкие недобродетельные грехи.

— Значит, Куй Чен — нет, Моу Хайюань убедил их встать на колени по собственной воле. Они думали, что их хозяин очистит их, но в итоге им сломали шеи? — Син Му ударил кулаком по ладони другой руки. — Звучит логично. Все подсказки, которые давали тела, теперь явно связаны!

Минг Шу похлопал Син Му по плечу и похвалил:

— Все благодаря анализу брата Сина результатов вскрытия.

Син Му хотел улыбнуться, но сдержал улыбку, поскольку его лицо покраснело.

У Минг Шу была еще одна теория, которой он не поделился с Син Му.

Чу Цзян и другие пришли в храм Хайцзин пять или шесть лет назад, но Моу Хайюань не действовал сразу. Он ждал до прошлого года, чтобы совершить свое первое убийство.

Это был такой долгий промежуток времени, что Минг Шу не мог его игнорировать.

Но поскольку жертвы добровольно преклонили колени, Моу Хайюань, должно быть, потратил много времени на их «укрощение», прежде чем попросить их встать на колени и покаяться.

Жертвами были те, кого уже «приручили». Монахи, которые все еще жили в храме, были теми, кому еще предстояло стать послушными и покорными.

Кроме Лю Суя и Тан Юаня, Чу Синь, Инь Сяофэн и Фан Пинсюй были все молодые. Если бы Моу Хайюань планировал убить их так же, как он убил других, это была бы нелегкая задача, если бы они дали отпор.

Не поэтому ли Моу Хайюань притворился, что медитирует в одиночестве?

Или возможно, что кто-то в храме узнал тайну Моу Хайюаня и принял «превентивные меры», убив его первым?

Местонахождение Моу Хайюаня по-прежнему оставалось неизвестным. Не было возможности связать все улики воедино.

Пока отдел по расследованию тяжких преступлений обыскивал гору, в отношении Моу Хайюаня также велось тщательное расследование.

До выхода на пенсию Моу Хайюань приобрел недвижимость в нескольких городах по всей стране. После выхода на пенсию он продал большую часть этой недвижимости и пожертвовал прибыль молодежным благотворительным организациям.

Моу Хайюань сделал все это, не ища освещения в СМИ. Если бы полиция не сосредоточилась на нем в это время, никто бы не узнал об этих старых историях.

— Этот парень действительно противоречив, — сказал Фан Юаньхан. — Он действительно делал хорошие дела, но он также сделал много плохих вещей.

— Не то чтобы "этот парень" был действительно противоречивым. Просто подавляющее большинство людей противоречивы, просто в разной степени, — сказал Минг Шу. Он заметил больше противоречий, чем Фан Юаньхан. — Моу Хайюань жертвовал на благотворительность, но он жертвовал только на благотворительность для молодежи — детей и подростков. Судя по тому, что он нанимал людей, которые выступали в роли его родителей, и хорошо с ними обращался, вполне вероятно, что он сделал что-то плохое своим биологическим родителям и хотел это искупить. Но если это правда, то он должен был желать жертвовать на благотворительные цели, которые также помогали пожилым людям — тем, кто был примерно того же возраста, что и его родители. Он жертвовал огромные суммы денег, но все на благотворительные цели для молодежи. Что немного... странно.

— Это очень важная подсказка, — сказал Сяо Юань, присоединяясь к разговору. — Его действия и его предполагаемая психология не совпадают. Хотя в последнее время мы сталкивались со многими случаями, когда люди действовали таким образом, чтобы ввести полицию в заблуждение, Моу Хайюань делал все эти щедрые пожертвования тайно. Другими словами, ему не нужно было скрывать свои истинные мысли, делая эти пожертвования. Эти добрые поступки отражают его истинные желания.

Фан Юаньхан почесал волосы и глубоко задумался.

Это может быть истинной натурой Моу Хайюаня. Но куда это их привело?

— Пожертвование всех своих денег на благотворительность для молодежи говорит нам, что это было настоящей психологической потребностью для Моу Хайюаня. Это была необходимость, которая перевешивала чувство вины, которое он испытывал по отношению к своим биологическим родителям, — сказал Сяо Юань. — Такое поведение может указывать на то, что у Моу Хайюаня было крайне тяжелое детство и юность, и тени того времени всегда оставались с ним.

— До того, как Моу Хайюань стал знаменитым, у него действительно была тяжелая жизнь, — кивнул Минг Шу.

Сяо Юань пролистал какие-то распечатанные заметки.

— Моу Хайюань был очень сосредоточен на провинции Лун, а затем на нашей соседней провинции Хань. Понятно, что он интересовался провинцией Хань, поскольку, как мы считаем, именно там находился его родной город. А как насчет провинции Лун?

— Провинция Лун находится на границе, а родной город Инь Сяофэна, Лянси, находится в провинции Лун! — Взгляд Минг Шу стал острым. — Директор Сяо, вы подозреваете, что настоящий родной город Моу Хайюаня находится в провинции Лун?

— Я бы не исключал такой возможности, — сказал Сяо Юань. — Человек не стал бы проявлять интерес к месту, которое не имеет к нему никакого отношения, без причины. Инь Сяофэна привез в храм Хайцзин Моу Хайюань. Как Моу Хайюань встретил его? Где они встретились? В

провинции Лун?

***

Комната для допросов.

Когда его спросили о том, как он встретил Куй Чена, Инь Сяофэн долго молчал. Как раз когда Фан Юаньхан начал думать, что он не ответит, Инь Сяофэн внезапно поднял пустой взгляд и сказал:

— Куй Чен сказал, что отвезет меня в место, которое еще тише, чем больница.

Под «больницей» подразумевалась психиатрическая больница, где Инь Сяофэн провел несколько лет после того, как его спасла полиция. Его врач сказал Сю Чуню, что Инь Сяофэн не мог выносить шум и хаос после того, как покинул больницу, и поэтому Инь Сяофэн вернулся, спросив, может ли он остаться там.

— Где? — спросил Фан Юаньхан. — Где конкретно ты встретил Куй Чена?

— В Лянси, — сказал Инь Сяофэн.

Чу Синя и Фан Пинсюя также допрашивали по одному.

Чу Синь настаивал, что он пришел в храм Хайцзин по собственной воле, без какой-либо причины, кроме как для того, чтобы практиковать буддизм. Его решение не имело никакого отношения к Куй Чену. Фан Пинсюй также утверждал, что не встречался с Куй Ченом до прихода на гору Циюэ.

— Чу Цзян и двое других уже мертвы, но, по крайней мере, Инь Сяофэн подтвердил наши подозрения, — сказал Фан Юаньхан. — Я также думал, что это довольно странно, раньше, что Фан Пинсюй и Инь Сяофэн оба имели склонность к насилию. Если бы Моу Хайюань хотел искупить свою вину, ему был бы нужен только один из них. Ему не было бы нужды убивать их обоих.

Минг Шу слушал анализ новых результатов, который проводил Фан Юаньхан, и одновременно смотрел видео, которое прислал Сюй Чунь.

Благотворительные пожертвования Моу Хайюаня в основном направлялись на содержание детских домов, детских садов и начальных школ. После тщательного расследования было обнаружено, что в Лянси был детский дом, который содержался почти полностью на пожертвования Моу Хайюаня.

В этом детском доме на стенах даже висела фотография Моу Хайюаня.

— Все его остальные пожертвования были сделаны практически анонимно. Почему фотография Моу Хайюаня висит в этом приюте? — размышлял Минг Шу. — Он был там? Это отправная точка? Сюй Чунь, ты видел фотографию Моу Хайюаня в каком-либо другом приюте или школе, которые ты посетил в провинции Лун?

— Нет, — сказал Сюй Чунь. — И, кроме этого, в других местах даже не уверены, кто их донор.

— Опросите всех сотрудников этого приюта, особенно пожилых. Если кто-то вышел на пенсию, навестите их дома, — сказал Минг Шу. — Это место настолько особенное, что я подозреваю, что Моу Хайюань сам когда-то вышел из этого приюта!

— Это наш благодетель, — сказал ребенок, указывая на фотографию Моу Хайюаня на стене. — Мы все его дети.

Сюй Чунь заметил, что ни взрослые, ни дети в этом приюте не скрывали своего восхищения Моу Хайюанем. В их глазах он был их великим благодетелем.

Но когда их спросили об отношениях между этим великим великодушным человеком и приютом, никто не смог ответить. Нынешнему директору приюта, Сю Чуньхуа, было около пятидесяти лет. Она проработала в приюте более двадцати лет, но знала только, что Моу Хайюань, похоже, дружил с предыдущим директором.

— Эту фотографию повесили только в последние годы, — сказала Сю Чуньхуа. — Господин Моу не разрешал этого в прошлом.

— Почему бы и нет? — спросил Сюй Чунь.

— Возможно, это потому, что он не хотел, чтобы люди знали о его добрых делах, — сказала Сю Чуньхуа. — В конце концов, господин Моу был знаменитостью.

— Так почему же вы повесили его фотографию именно сейчас?

— Его не было здесь много лет. Дети хотели поблагодарить его по-своему.

Сюй Чунь продолжил:

— Предыдущий директор...

Сю Чуньхуа вздохнула:

— Она скончалась.

Старый директор, возможно, был одним из последних людей на земле, кто действительно понимал Моу Хайюань. Когда она умерла, то все секреты забрала с собой в могилу.

Сюй Чунь не сдавался. Он все равно помчался к дому старого директора.

Вторую половину старого директора звали Чэнь, ему было около семидесяти, но он все еще был в ясном уме.

Несколько фотографий в рамках украшали шкафы в доме. Это была явно счастливая семья. Удивительно, но среди этих семейных фотографий была одна с Моу Хайюанем и пожилой парой.

— Хайюань — наш друг, — сказал старик. Он поднял фоторамку морщинистыми руками и осторожно погладил края. — Он никогда не забывал нас.

Как только Сюй Чунь услышал эти слова, он понял, что этот человек что-то знает.

Мужчина совсем не опасался полиции. Он свободно говорил о том, что произошло между ним, его покойной женой Ли Люлань, Моу Хайюанем и многими другими детьми несколько десятилетий назад.

Даже сейчас город Лянси не был богатым. Десятки лет назад им было гораздо хуже.

Однажды зимой в бедной семье Му родилась пара близнецов. Их назвали Му Хайюань и Му Хайфэн. Тогда не было такой вещи, как система регистрации домохозяйств, поэтому двое детей и много других детей того же возраста росли вместе в этом городе.

Весь город был бедным. Родители откладывали пайки для своих детей, но даже так — было трудно сводить концы с концами. Когда братьям Му было пять или шесть лет, младшего брата Му Хайфэна «отдали» постороннему человеку.

Полагаясь на деньги и еду, которые им дал чужак, трое оставшихся в семье Му членов семьи смогли пережить ту холодную зиму.

Когда наступила весна, Му Хайюань объявил своим друзьям, что хочет пойти и заработать денег, чтобы вернуть своего младшего брата. А в будущем он хотел заработать достаточно, чтобы спасти своих родителей от этой жизни в нищете.

У его друзей было много идей относительно их собственного будущего. Некоторые хотели стать солдатами, некоторые хотели стать учеными. Только Му Хайюань сказал, что он просто хотел

заработать денег, разбогатеть.

— Тогда ты не можешь забыть о нас, — сказала Ли Люлань. — Мы все вместе страдали в детстве, но я не хочу, чтобы страдали дети, которые родятся здесь в будущем. Я хочу создать любящий дом! Если чей-то ребенок не будет есть, он может прийти в мой любящий дом на теплую еду. Хайюань, когда у тебя будет много денег, ты сможешь пожертвовать немного моему любящему дому?

Му Хайюань торжественно кивнул и поклялся своим юношеским голосом:

— Я хочу, чтобы у всех детей была еда!

Позже Ли Люлань стала директором приюта.

А Му Хайюань стал Моу Хайюанем.

— Хайюань сменил имя. Когда он вернулся, мы с Люлань его не узнали, — сказал старик. — Когда приют только построили, нам на все нужны были деньги. Хайюань сказал нам, что вернулся, чтобы исполнить свое детское обещание.

Старик не мог точно сказать, как Му Хайюань стал Моу Хайюанем, но Сюй Чунь уже имел приблизительное представление о том, что произошло в его голове. Прежде чем старик слишком устал, чтобы продолжать говорить, Сюй Чунь поспешно спросил:

— Когда умерли родители Моу Хайюаня?

— Давным-давно. — Старик покачал головой. — Хайюань покинул город, когда ему было около десяти лет. После этого в городе случился голод. Взрослые отдали еду нам, детям, и в тот год... много людей умерло от голода. Тогда умерла мать Хайюаня, и его отец тоже умер, так и не дождавшись возвращения Хайюаня успешным человеком.

***

Город Донгье. Народный суд промежуточной инстанции № 1.

Чу Кана обвинили в убийстве, незаконном задержании и уничтожении трупа. Его дело в настоящее время рассматривалось в суде. Судья не вынес приговор в главном суде. Ло И, сидевший на галерее, встал и встретился взглядом с Чу Каном.

В глазах Чу Кана мелькнул темный огонек, но глаза Ло И были полны лишь нескрываемого презрения.

Покинув суд, Ло И позвонил по телефону. После того, как другая сторона что-то сказала, Ло И стиснул зубы и вскипел:

— Как долго они собираются держать Чу Синя взаперти?

<http://bllate.org/book/14859/1321973>